Осквернитель

Автор:
Павел Корнев

Осквернитель

Павел Николаевич Корнев

Экзорцист #5

Прошлое не отпускает. Если полжизни резал глотки во имя интересов Короны, от него не укрыться, какую личину ни нацепи.

Себастьян Март теперь известен как Себастьян Шило, один из заправил преступного сообщества Акраи. Но проблемы, как и прежде, ходят за ним по пятам, а невинные просьбы старинного приятеля иной раз чреваты куда более серьезными неприятностями, чем самые опрометчивые приказы главы тайной службы.

На этот раз все началось с таинственного ограбления королевского казначейства.

Павел Корнев

Осквернитель

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть первая

Темное пламя

Месяц Святого Фредерика Копьеносца

Год 989-й от Великого Собора

1

Меня зовут Себастьян Март, и последний раз я убил человека двенадцать лет, три месяца и семь дней назад.

Полагаете, гордиться здесь особо нечем?

Кому как, уважаемые, кому как…

Добропорядочному обывателю – нечем, но я еще в ранней юности связался с дурной компанией и неминуемо сгнил бы на каторге, не одумайся вовремя и кандалам арестанта не предпочти кирасу пехотинца. После – не лучше; после были годы работы на королевскую тайную службу и возвращение на городское дно, только уже не безызвестным жуликом, а главой собственной шайки.

Удивительная карьера для мальчишки, рожденного в семье потомственных сапожников; для того, чья жизнь заранее расписана от начала и до самого конца.

Ведь если не стрясется никаких глобальных потрясений, не приберет к рукам случившаяся вдруг война, не унесет мор, не зарежут в темной подворотне лиходеи, твой удел до самой смерти тачать сапоги и шить туфли. И отдать Святым душу в собственной постели в окружении многочисленных родных и близких.

Если не сопьешься, разумеется. Выражение «пьет как сапожник» вовсе не на пустом месте родилось.

Быть может, именно эта предопределенность и оттолкнула меня от семьи?

Первый раз я попытался перехитрить собственную судьбу, когда вместо монастырской школы начал день-деньской пропадать в компании малолетних оболтусов на узеньких улочках припортовой округи. И сгинуть бы юному Себастьяну с ножом меж ребер в какой-нибудь темной подворотне, кабы не розги святых отцов да тумаки родного папаши. Впрочем, окончательно и бесповоротно наставить меня на путь истинный не сумели ни учителя, ни семья: уже в тринадцать лет я начал работать на господина Оша – скупщика краденого и ростовщика, за свою деловую хватку прозванного Мешком Костей.

Четыре года я собирал слухи, вел счета, выбивал долги и пристраивал к делу нужных людей и в итоге стал правой рукой старого хрыча, но, когда меня самого прихватили на горячем, он пальцем не пошевелил, чтобы добиться освобождения погоревшего подручного. Наоборот – попытался утопить еще глубже. При таком раскладе на каторге было не продержаться и декады; единственным способом избежать заточки в бок стала вербовка в королевский пехотный полк.

Глупость несусветная, и судьба-злодейка тихонько посмеивалась в кулачок, подсчитывая шансы восемнадцатилетнего юнца уцелеть в бойне, деликатно именовавшейся в официальных кругах Закатной кампанией. И посмеивалась неспроста: после битвы на Лемском поле наша сотня превратилась в полторы дюжины калек. Удивительное дело – мне тогда повезло отделаться парой царапин.

И повезло вдвойне, когда столь поразительную удачливость отметил вербовщик королевской тайной службы. Надо ли говорить, что на его предложение поработать в интересах Короны я согласился без колебаний и раздумий?

Возвращаться обратно на передовую не было ни малейшего желания.

И понеслось! Разъезды и переезды. Слежка и вербовка. И убийства конечно же – куда без них?

За пару лет я исколесил Святые Земли вдоль и поперек, везде и всюду оставляя за собой трупы и нераскрытые преступления. Самому тоже доставалось не раз и не два, но как-то выкручивался, уходил, запутывал следы, зализывал раны…

А потом в далеком Лансе к власти пришли последователи культа Единения, и случилась большая война. Еретики всерьез вознамерились распространить свое влияние на все Святые Земли и в этом стремлении едва не преуспели.

И немудрено – ведь помогали им сами бесы.

Таинственный Жнец вселял нечистых в тела людей, чьи души от рождения обладали связью с потусторонним, и ни экзорцисты ордена Изгоняющих, ни экзекуторы «Пламенной Длани» оказались не способны противостоять темной волшбе Высших.

Я столкнулся с подобной тварью за год до войны, столкнулся – и, полагая, будто имею дело с обычным бесноватым, решил проблему привычным для себя образом, с помощью заточки.

И тогда вырвавшийся из бренного тела бес проник в мою душу!

Обитатель Бездны рассчитывал полностью подавить волю человека, но вместо этого сам попал в плен. Мне удалось запереть нечистого в своей душе; там он и пребывает до сих пор. И пребывает не один, а в компании собратьев по несчастью – подобный трюк затем приходилось проворачивать не раз и не два.

Но, как бы то ни было, в войну с Лансом мы вступили, не зная о противнике ровным счетом ничего. По крупицам собирали информацию, хватались за любую ниточку и в итоге сорвали банк – отыскали оружие, способное не просто уничтожать тела Высших, но дотла выжигать саму их суть. Обитатели одного затерянного в Старом море островка, прозванного впоследствии Дивным, наполняли клинки столь жгучей тьмой, что ее призрачный пламень заставлял

бесов вспыхивать и сгорать ничуть не хуже, чем случайная искра воспламеняет пересушенное на солнце сено.

Проклятые наконечники были овеществленным злом, но надо ли говорить, что мы без колебаний пустили их в ход?

Для начала проредили ряды Высших, потом добрались и до Жнеца.

Нас было шестеро. Ваш покорный слуга. Жулик и мошенник Якоб Ланц. Угодивший в жернова войны обычный паренек Карл Вадер. Гениальный лучник Эдвард Рох. Перебежчик и потомственный чернокнижник Густав Сирлин. А еще – капитан гвардии великого герцогства Довлас Ричард Йорк, жизнь в котором долгие годы поддерживали лишь скверна да любовь к своей госпоже.

Именно Ричард Йорк спас нас всех, сгинул в Бездне, но – спас.

И все постепенно вернулось на круги своя. Постепенно, понемногу, но вернулось. И я вновь начал колесить по Святым Землям, только теперь уже в чине начальника разъездной группы. Точнее – труппы, сплошь состоявшей из циркачей бродячего балагана.

Первое время нам сопутствовала удача, и разорившийся антрепренер Себастьян Март, акробатка и танцовщица Берта, старый фокусник Гуго и развлекавший публику трюками с огнем и ножами Валентин Дрозд несколько лет выходили сухими из воды. После к труппе прикрепили Марка Бонифация Тарнье, и только-только окончивший семинарию экзорцист по уши влюбился в Берту, но проблемой это не стало.

Просто не успело ею стать.

Нас переиграли. И ладно бы ночная гвардия Драгарна, нет – в спину ударил уцелевший при разгроме еретиков Высший. Труппа сгинула, спасти удалось лишь Берту, да и ту отравил Тьмой чересчур любвеобильный чернокнижник, когда пытался заполучить в коллекцию ее лицо.

Карьера моя, разумеется, отправилась псу под хвост, более того – в итоге мы с Бертой оказались разменной монетой в хитрой дворцовой интриге, которую

затеял глава тайной службы Малькольм Паре. К счастью, ему удалось переиграть высокопоставленных вельмож, наладивших поставки дурмана с острова Дивный, и вместо виселицы мы получили шанс начать новую жизнь.

Берту приставили нянькой к отпрыску сгинувшего Ричарда Йорка; мне предложили пойти по стопам прежнего работодателя – Мешка Костей. Себастьян Март исчез, на смену ему явился Себастьян Шило, главарь шайки, через которую на сегодняшний день проходит большая часть контрабандных поставок пахартского опиума.

При этом я не забываю тайную службу, а тайная служба не забывает меня.

Покровительство оказывается в обмен на информацию и золото, и сотрудничество это в полной мере устраивает обе стороны. Все довольны, только вот в душе моей гнездятся бесы, я не переношу колокольного звона и боюсь зеркал, из которых в мир людской украдкой заглядывает сама Бездна. И пусть пока удается удерживать нечистых на коротком поводке, но с каждым годом это требует все больших и больших усилий.

Именно поэтому я больше не убиваю людей, именно поэтому давно отринул Скверну, именно поэтому каждую декаду прихожу сюда и выворачиваю душу наизнанку.

Просто не хочу потерять самого себя.

Так помогите мне в этом, Святые! Дайте сил и уберегите от ошибок!

Я поднялся с колен и оглядел полутемное помещение молельного дома; ряды скамей, светильники с потушенными уже свечами, на стенах – образа Святых. Тишина, спокойствие, умиротворенность.

Благодать, что рассеивает Скверну и помогает держать бесов в узде.

– Себастьян… – подступил невысокий и сутулый священник, в плохо подогнанном к его нескладной фигуре одеянии.

– Благословите, святой отец, – склонил я перед ним голову.

Тот легонько прикоснулся к моей макушке, прошептал слова короткой молитвы, и вдоль позвоночника ровно металлической щеткой провели, а в груди защемило, и накатило неуловимое ощущение счастья, слегка приправленного малой толикой печали.

– Да хранят тебя Святые, Себастьян, – произнес священник, отнимая руку.

– Благодарю, отче, – произнес я, чувствуя, как отпускают тревоги и заботы.

Вот ведь! Вроде и никаких причин для беспокойства нет, а скрутило всего, будто перед непогодой. И не суставы крутит, – нутро.

С чего, почему – непонятно.

– Себастьян! – тронул меня за плечо священник.

– Да? – встрепенулся я, стряхивая задумчивость.

– Сегодня мы проводим всенощную службу во здравие герцога Гастре, не желаете присоединиться?

Я покачал головой:

– К сожалению, отче, меня ждут в другом месте.

– Не беда, – мягко улыбнулся священник. – Приходите чаще, вам всегда здесь рады.

– Обязательно, – пообещал я, хоть прекрасно знал, что в следующий раз появлюсь тут через декаду, и ни днем раньше.

Попрощавшись со священником, я распахнул тяжеленную дубовую дверь, шагнул под сыпавшее мокрым снегом небо, и тотчас из темноты выступил невысокий жилистый паренек.

– Плащ, мастер? – уточнил телохранитель, расправляя приготовленное для меня теплое одеяние.

– Не стоит, Ори, – покачал я головой и забрал у него лишь трость с массивным серебряным набалдашником. – Не холодно.

Зимы в Стильге по обыкновению своему мягкие, не стала исключением и эта. И пусть слякоть, промозглый ветер с моря и вечная морось опостылели хуже горькой редьки, но лучше уж так, чем лютые морозы полуночных земель.

Мы вышли за ограду молельного дома, и слонявшийся там бугай с ломаным носом и приплюснутыми ушами бывалого кулачного бойца немедленно юркнул в ближайшую подворотню. Тотчас послышалось лошадиное всхрапывание, мягко зацокали по мостовой подкованные копыта, и на улицу вывернула запорошенная снегом карета.

Крепыш придержал лошадей и пробасил:

– Порядок, мастер.

– В королевские термы, Гастон, – распорядился я и забрался на обтянутую кожей скамью. Ори захлопнул дверцу, после вскочил на запятки, и, раскачиваясь на неровной брусчатке, карета тронулась в путь.

За оконцем проносились подсвеченные фонарями здания с островерхими крышами, изредка на фоне темно-серого неба мелькали колокольни молельных домов, а вот горожане на глаза попадались нечасто. Оно и немудрено – погода собачья, по бульварам и скверам уже особо не погуляешь. Зимой обыватели все больше по кабакам горячим вином согреваются.

А я вот в королевские термы еду.

Выстроены те были еще дедом нынешнего монарха и по праву считались гордостью столицы. Комплекс из нескольких монументальных строений включал в себя огромную помывочную для городской бедноты, гильдейские залы и отдельные кабинеты богатеев, а по большим праздникам туда наведывались и титулованные особы.

Особой популярностью термы по понятным причинам пользовались поздней осенью и зимой. В холодные ненастные вечера горожане сначала грели косточки на горячих камнях, а потом расползались по окрестным питейным заведениям и принимали там согревающее уже внутрь.

Для такой погоды – лучше не придумаешь, но я ехал в термы совсем по другому поводу.

Тягучий гул главного колокола монастыря Святой Терезы прокатился над городом, когда карета уже вывернула на проспект Святого Огюста. Звякнуло оконце; звук пронзил, смял и враз вывернул наизнанку измученную душу.

Будь внутри хоть крупица скверны, – неминуемо разбил бы паралич, да я и так едва не сполз с сиденья на пол, стоило умчавшемуся прочь звону вернуться раскатистым эхом и нанести новый удар. Скрипнули зубы, ладонь до боли стиснула серебряную рукоять трости, рубаха на спине вмиг промокла от пота.

Тут, на мое счастье, карета выехала на мост через Эверь, но передышка долго не продлилась: как только серая гладь воды осталась позади, тишину опустившегося на Акраю вечера разметала лихорадочная какофония.

Умер! Умер! Умер! – трезвонили колокола монастырей.

Умер! Умер! – подхватывали звонари молельных домов.

Умер! – басовито разносилось от монастыря Святой Терезы.

Умер не кто-нибудь, а герцог Гастре, королевский канцлер. Человек, руководивший государством последние три десятка лет. Скончайся сейчас его величество Грегор Четвертый – и то треволнений вышло бы меньше.

– Примите, Святые, душу его светлости, – прошептал я, кое-как отдышавшись.

После прикрыл глаза и усилием воли заставил успокоиться ворочавшихся в глубине души бесов. А когда корчившиеся в судорогах нечистые наконец затихли, вытащил из нагрудного кармана камзола носовой платок и промокнул

сочившуюся из ноздри кровь.

Уф! Пожалуй, так сильно меня с Лема не прихватывало. Помню, когда по поводу мора колокола заголосили, чуть сердце не остановилось, будто у нежити какой.

У нежити? Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить…

Понемногу в голове прояснилось, виски перестало ломить, пропали мельтешившие перед глазами точки, а там уже и карета остановилась.

Гастон без промедления распахнул дверцу, Ори протянул плащ. Я накинул на плечи теплое одеяние, зябко поежился и глянул в хмурое небо, с которого сыпалась то ли морось, то ли мелкий мокрый снег.

– Все в порядке? – забеспокоился Ори.

– В полном, – подтвердил я и, тяжело опираясь на трость, направился к королевским термам. Парни двинулись следом.

У центральных ворот по обыкновению толпились многочисленные нищие; не обратив внимания ни на их протянутые руки, ни на выставленные напоказ язвы и увечья, мы зашли за ограду и миновали сначала вход для простолюдинов, а потом и куда более богато украшенное крыльцо для знати. Обогнули длинный пристрой, из труб на крыше которого валили клубы дыма, и очутились у неприметной двери черного хода.

Я постучал рукоятью трости и обернулся к парням.

– Встречайте как обычно, – наказал им, заслышав лязг засова.

– Сделаем, – кивнул Ори и принял от меня плащ, но с места не сдвинулся.

Хорошие ребята. Исполнительные. Явно ведь не терпится в близлежащую рюмочную для челяди завалиться, но нет – стоят под снегом, марку держат.

– Идите уже! – отпустил я охранников и шагнул к ребятам не столь габаритным и приметным, но ничуть не менее исполнительным. Парень с фонарем для начала

внимательно вгляделся в мое лицо и только потом приказал коллеге со связкой ключей на поясе:

– Проводи.

Тот запер входную дверь и обшарпанными коридорами повел меня в глубь служебных помещений. Вскоре я окончательно потерялся в лабиринте путаных переходов, а вот провожатый здесь прекрасно ориентировался и через пару минут блужданий уверенно свернул в неприметный закуток. Там он отыскал на связке нужный ключ, отпер дверь и посторонился, освобождая проход:

– Проходите.

Я переступил через порог; дверь немедленно захлопнулась, скрипнул замок.

Говорю же – исполнительные.

Опустившись на скамейку, я вытащил из-за голенища шило с трехгранным клинком в пол-локтя длиной, стянул грязные сапоги и уже босиком прошел к массивному шкафчику, сколоченному из потемневших от времени дубовых досок. Убрал на верхнюю полку заточку, туда же кинул перчатки, а камзол аккуратно расправил и повесил на плечики.

После отцепил от пояса чехол с коротким, загнутым наподобие звериного когтя ножом и не удержался, чтобы не обнажить его и не полюбоваться обоюдоострым клинком, черным и недобрым, словно осенняя полночь.

Традиционное пахартское оружие мне лет пять назад подарил тамошний деловой партнер, и нож этот, как ни удивительно, показал себя в деле с самой лучшей стороны. Изогнутое лезвие не только пугало своей необычностью, но и позволяло контролировать глубину реза, а это бесовски важно, когда собираешься пустить кровь без риска отправить жертву к праотцам.

Игрушка? Вот уж не сказал бы. При некоторой сноровке такой игрушкой ничего не стоило в мгновение ока разделать человека, будто сельдь; и к тому же моей вотчиной был пахартский квартал, и ритуальный клинок туземного божка смерти одним своим видом наводил на местных обитателей самый настоящий

ужас.

Но полюбовался – и будет.

Чехол с клинком отправился к шилу; я стянул рубаху и брюки, избавился от исподнего и встал напротив ростового зеркала, с задней стороны, как знал доподлинно, помеченного печатью-благословением ордена Изгоняющих. Глянул на собственное отражение и лишь покачал головой.

Наружность худощавого господина средних лет с холодными глазами и соломенного оттенка волосами можно было бы счесть даже неприметной, кабы не впечатляющая коллекция шрамов, белыми рубцами расчертивших все тело.

Какая общая помывочная, о чем вы?

Я криво ухмыльнулся, обмотал вокруг бедер банное полотенце и толкнулся во внутреннее помещение. Слегка разбухшая дверь распахнулась с резким скрипом; двое сидевших за столом парней смерили меня подозрительными взглядами, но сразу успокоились и вернулись к прерванной игре в кости.

Ну да – без верхней одежды спутать меня с кем-то другим довольно проблематично.

Откинув перегородившую проход тяжелую занавесь, я распахнул следующую дверь и очутился в просторной комнате с накрытым столом. В одном из хрустальных бокалов на донышке уже алели остатки вина, поэтому задерживаться там я не стал, привычной дорогой прошел мимо бассейна, от которого так и тянуло холодком ледяной воды, и шагнул в парную.

Горячий, насыщенный влагой воздух немедленно окутал со всех сторон, при малейшем движении он обжигал кожу, и по спине, плечам и груди заструились капельки воды.

Ух, хорошо!

Хорошо – да, но где же гостеприимный хозяин?

Господин заместитель главы дворцовой Охранки обнаружился в небольшой нише, где он полулежал на каменной плите, откинувшись спиной на облицованную мрамором стену.

Слегка погрузневший за последние годы, с ярко-рыжей шевелюрой и унизанными многочисленными перстнями пальцами Джек Пратт обыкновенно походил на преуспевающего жулика. Обыкновенно – но только не в термах.

Все его тело от пяток и до шеи покрывали затейливые татуировки, свободными от цветных наколок оставались только лицо и кисти рук. Цитаты из Святых писаний, символы веры, пентакли и совсем уж непонятные закорючки сплетались в единую картину и производили на неподготовленного зрителя впечатление просто неизгладимое. Да и мне от них, честно говоря, всякий раз становилось не по себе.

Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что столь вызывающая нательная роспись не была личной прихотью моего рыжего приятеля, а являлась вынужденной мерой, если не сказать служебной необходимостью.

В обязанности Пратта как заместителя главы Охранки входила защита от потустороннего воздействия дворцовой челяди и придворных, а скверна прилипчива донельзя – сам не заметишь, как в душе бесы гнездо совьют. Поэтому все татуировки Джека имели вполне утилитарное предназначение: одни защищали от гипноза, другие предохраняли от сглаза, третьи не давали навести порчу. «Нательные знаки как защита от Скверны».

– Падай, рыжий! – поприветствовал меня Джек шлепком ладони по мраморной плите рядом с собой.

Я осторожно опустился на теплый камень и сообщил:

– Канцлер умер.

– Мне доложили, – кивнул Пратт и нервно потеребил вислый ус.

Джек был одним из двух людей, кто доподлинно знал о моем сотрудничестве с Малькольмом Паре, потому я спросил у него напрямую:

– И что теперь будет?

– Похороны, вестимо, – отшутился рыжий пройдоха, поднялся на ноги и предложил: – Пойдем, помянем его светлость.

Выйдя из парной, мы окунулись в ледяную воду бассейна, наскоро обтерлись и расположились за столом. Там Джек разлил по рюмашкам крепленое красное вино, традиционное для закатных провинций Драгарна, пригубил сам, выжидающе посмотрел на меня.

Я отхлебнул рубинового напитка, и на языке будто цветок расцвел. Наслаждаясь богатым насыщенным вкусом, маленькими глотками допил вино и напомнил:

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Не ответил, – подтвердил старинный приятель и с задумчивым видом взял с тарелки тонюсенький ломтик сыра. Отправил его в рот, прожевал и вздохнул: – Не знаю, Себастьян, что теперь будет. Просто не знаю.

– Все так запущено?

Пратт неопределенно пожал плечами и вновь наполнил бокалы.

– Идем? – спросил он после.

Я потер неровный шрам, тянувшийся от левого запястья и до локтя, и поднялся из-за стола:

– Идем.

Мы вернулись в парную, уселись на разогретую мраморную плиту и какое-то время просто наслаждались накатившим со всех сторон теплом. Зная своего рыжего приятеля как облупленного, я разговор возобновлять не спешил и в итоге не прогадал: Пратт пригубил вино и вдруг с нескрываемой горечью произнес:

– Знаешь, герцог Гастре относился к придворным как к колоде карт. Тасовал их по своему усмотрению, и никто даже пискнуть не смел. – Джек сделал глоток и устало вытянул ноги. – А теперь на смену железному старику в канцлеры метят кронпринц Иоанн, которого готовили-готовили к вступлению на престол, да так и не подготовили, и его желчный дядюшка, полагающий, будто его плешивая макушка станет куда лучше смотреться с короной!

Я задумчиво кивнул, принимая услышанное к сведению.

Кузен его величества принц Августин никогда своих притязаний на трон особо не скрывал, но при жизни канцлера никаких активных действий в этом направлении не предпринимал, лишь изредка шокируя высший свет резкими, явно провокационными заявлениями. Официальный же наследник Грегора Четвертого – его племянник кронпринц Иоанн – полагал свою будущую коронацию делом решенным и участию в государственных делах предпочитал разгульную жизнь в фамильном охотничьем замке.

Поговаривали, правда, будто сбежал он туда вовсе не от политики, а от оставленной в столице супруги. Ладно, хоть наследников перед этим настрогал…

– И они еще будут указывать мне, как надо работать! – продолжил распаляться Джек Пратт. – Они! Мне!

– Указывают, да? – про себя посмеиваясь, округлил я глаза.

– Да что с тобой разговаривать! – влет раскусил мою игру Джек, который до перехода в Охранку работал шпиком надзорной коллегии и видел людей насквозь. – Тебе, Себастьян, только бы позубоскалить, а у меня голова от них пухнет! Орут и приказывают! Приказывают и орут! И все – невпопад! – Пратт вздохнул и махнул рукой: – Ай, да что я распинаюсь, один бес, тебе не понять!

– На меня не покричишь, да, – подтвердил я, сделав очередной глоток вина.

Приятель задумчиво глянул на свой бокал, потом неопределенно хмыкнул и опрокинул в себя его содержимое.

– Тебе хорошо, – вздохнул он, поднялся с мраморной плиты и зашагал на выход.

Я – следом.

Вода в бассейне на этот раз обожгла холодом горного ручья, но я все же немного поплавал и даже окунулся с головой, прежде чем выбраться наружу. После прошел в комнату отдыха, а там Джек уже разлил нам по новой.

– За его светлость! – объявил он, залпом выпил вино и плеснул себе еще.

У меня в голове уже шумело, поэтому я торопиться не стал и лишь слегка пригубил ароматный напиток.

Хорош, зараза, но больно уж крепкий.

– А хуже всех герцог Арно! – продолжил Пратт разговор о наболевшем.

Я о внучатом племяннике его величества был немало наслышан, потому лишь приподнял брови, демонстрируя заинтересованность.

Джек потянулся всем телом, и украшавшие его тело татуировки поползли, подобно живым змеям, свиваясь в новый узор.

– Герцог Арно! – будто сплюнув, повторил Джек и вдруг резко вскинулся, даже расплескав вино. – Слышал о «Червонном клубе»? – спросил он, отряхивая руку.

– Доводилось, – подтвердил я.

В свое время это сборище бездельников и вертопрахов из высшего света наделало много шума, но, поскольку верховодил там старший сын кронпринца Иоанна, распоясавшимся юнцам сходили с рук все их пьяные выходки.

– А знаешь, почему их разогнали? – прищурился захмелевший Джек.

– Нет, – ответил я, сделал очередной глоток и облокотился на стол. – История об этом умалчивает.

– Ну, еще бы! – фыркнул Пратт, которого просто распирало от желания выговориться. – Всем посвященным было строго-настрого приказано держать язык за зубами! – Рыжий замолчал и с кислым видом оглядел заставленный закусками стол.

Я разлил остатки вина, убрал под лавку пустую бутылку и попросил:

– Ты продолжай, продолжай…

Джек прожевал ломтик сыра и вытер пальцы о полотенце.

– Они устроили оргию, – сообщил он и, предвосхищая неизбежный вопрос, добавил: – В тронном зале.

– Лихо, – усмехнулся я и переложил себе на тарелку уголок рыбного пирога.

– Это еще что! – фыркнул Джек и вдруг одернул меня: – Эй! Ты брюхо набивать сюда пришел? Открывай новую бутылку!

Я срезал сургуч и принялся вкручивать штопор в пробку.

– Так что там с герцогом? – спросил, прежде чем с приглушенным хлопком откупорить бутылку. – Выкладывай уже, не томи!

Пратт принял наполненный бокал и только тогда ухмыльнулся:

– Да ничего такого, просто герцог свою тогдашнюю пассию сношал не где-нибудь, а на троне.

– Ох ты! – Я аж вином поперхнулся и покачал головой: – Предупреждать надо!

– Канцлер, когда об этом узнал, просто дар речи потерял, – продолжил Джек. – Ну, и вправил молокососу мозги. – Рыжий помолчал и печально добавил: – Уж лучше б не трогал…

– Чего так? – удивился я, прекрасно понимая, каких усилий стоит замять подобного рода скандал.

– А того, что после этого нагоняя наш вьюноша решил поиграть в солдатиков и упросил папеньку выправить ему патент полковника королевских уланов. Для кронпринца, сам понимаешь, это как для нас на углу пирожок купить.

– Так понимаю, в уланах герцог надолго не задержался? – предположил я, накладывая себе на тарелку разных сыров.

– Пару лет перекантовался, а потом ему новая блажь в голову ударила. Теперь в рыцарей плаща и кинжала играет, – зло процедил Джек и резко черканул себя ребром ладони поперек горла. – Вот где у меня его кадры!

– Подожди, подожди! – Я припомнил название не так давно созданной службы по охране королевской фамилии и спросил: – Ты о Пурпурной палате, что ли?

– О ней, – подтвердил Пратт. – Представляешь, им на землях дворцового комплекса свою территорию выделили, куда не только моим людям ходу нет, но и Охранке вообще! А ведь там и сам герцог пребывает, и папенька его, кронпринц, на время визитов в столицу останавливается! И как мне свою работу теперь выполнять, а?! Вот ты скажи – как?!

– Дела! – покачал я головой. – Слышал, у них даже тюрьма собственная?

– Да какая там тюрьма, – досадливо отмахнулся Джек. – Старую скотобойню на окраине перестроили, вот и вся тюрьма. Да пусть они в городе что угодно творят, только не на моей земле, понимаешь?!

– Понимаю.

– И мне ведь еще повезло! Наше третье управление этот сучий выкормыш полностью под себя подмял!

– Охранка теперь политикой не занимается, что ли?

– Давно уже! Пурпурная палата – это, по сути, наше третье управление и есть. Карла Готье помнишь?

Я покопался в памяти и отрицательно качнул головой:

– Нет, не пересекались.

– Он, как и я, заместителем был, теперь в начальники выбился. Любимчик герцога Арно, чтоб ты знал. Зазнался, сил никаких нет! Терпеть их не могу; как увижу, трясти начинает! Собственными руками передушил бы всех!

– Давай выпьем, – предложил я, желая хоть немного остудить приятеля. – А потом в бассейн.

– Может, лучше девок вызовем? – загорелся Пратт.

– Да ну их! – отказался я. – Они у тебя дикие какие-то, опять полезут на стол голышом танцевать и всю посуду перебьют. Нормально сидим, не суетись.

Рыжий пройдоха посмотрел на меня с хитрым прищуром и ехидно выдал:

– Что – годы свое берут?

– На себя погляди! – отшутился я без всякой обиды на пустяковую в общем-то подначку. – Вон пузо какое отрастил!

– Не пузо, а животик, – парировал Джек и достал кисет. – Солидному господину в моем возрасте без животика никак.

– Ну-ну.

– Тебе самому пора уже животиком обзавестись, – продолжил глумиться рыжий, набивая трубку. – А то за последние десять лет совсем не изменился; тощий – будто пацан какой.

– У меня все в голову идет, – возразил я, постучав себя по виску полусогнутым пальцем.

– Помойка у тебя там, что ли? – развеселился заметно опьяневший Пратт и выдохнул в мою сторону струю пахучего дыма.

– Сейчас по шее получишь! – предупредил я, но со скамьи подниматься не стал, прекрасно осознавая, что на деле не сильно трезвее приятеля. Еще не хватало без всяких девок стол перевернуть.

– Так что насчет юных прелестниц? – вновь завел Джек свою шарманку.

– Хватит, солидный господин, завязывай. Сам же говоришь – не мальчик уже. Откуда столько прыти?

– Да загорелось чего-то, – признался Пратт и отложил резную трубку на пустую тарелку. – Это из тебя твои пассии все соки выжимают, а я живой человек.

– Какие еще пассии? – насторожился я.

– Как какие? – уставился на меня рыжий пройдоха. – К циркачке наведываешься? Наведываешься. А еще эта певичка фигуристая…

– Ну-ка стой! – Я подался вперед и хлопнул ладонью по столу. – Откуда знаешь?

– О чем? – захлопал Джек глазами, напуская на себя простодушный вид, но меня так легко было не провести.

Свои любовные дела никогда с ним не обсуждал. Так какого беса?

– Следил за мной? – потребовал я ответа.

– Побойся Святых!

– Тогда откуда знаешь?!

Джек замялся, потом нехотя произнес:

– Так получилось. Ну, ты понимаешь…

– Нет, не понимаю! – нахмурился я. – Как могло получиться такое? Давай колись!

– Остынь! – потребовал Пратт. – Делать мне больше нечего, как за твоей рыжей мордой следить! Просто свел один подопечный с небезызвестной тебе Ингой Лафо тесное знакомство, вот и пришлось круг ее общения прошерстить. Так на тебя и вышли.

– И насколько тесное это знакомство? – уточнил я без какой-либо, впрочем, ревности. Прима королевской оперы Инга Лафо хоть и была моей давней знакомой, но мы просто иногда проводили вместе время и не более того.

Джек лишь плечами пожал:

– Теснее не бывает.

– Твой подопечный, значит? – хмыкнул я. – Не просветишь – кто?

– И не думай даже! – отрезал Пратт. – Давай не будем смешивать личные отношения с работой, ага?

Я отпил вина и покачал головой.

– Крайне недальновидно с твоей стороны, – укорил Джека. – Вот столкнусь я с этим твоим подопечным у дверей Инги да отвешу ему сгоряча тумаков, а потом выяснится, что это был кронпринц Иоанн, и на меня всех собак навесят. И кому от этого лучше будет?

Рыжий пройдоха при этих словах закашлялся и поспешно приложился к стакану с вином.

– Ты чего? – удивился я.

– Ничего, – ответил Джек, отдышавшись. – Поперхнулся просто.

– Подожди-ка! – На меня будто наитие снизошло. – Это и в самом деле кронпринц Иоанн?!

– Я тебе ничего не говорил, – быстро произнес Пратт. – И поосторожней там, понял? Его охрана шуток не понимает. За ним теперь не мои люди ходят, герцог Арно к папеньке дуболомов из своей Пурпурной палаты приставил.

– Дела! – усмехнулся я и покачал головой, но сбить себя с толку не дал и дернул начавшего было подниматься из-за стола Джека обратно. – А ну постой, друг мой ситный!

– Чего еще? – обреченно вздохнул рыжий.

– Колись, о циркачке откуда знаешь? И не ври, что к ней тоже кто-то из твоих подопечных захаживает, мне бы доложили. Все же следил, получается?

– Какая слежка? Окстись! – Пратт высвободил руку и легонько хлопнул меня по лбу. – Думаешь, братья-экзорцисты не люди и в термы не ходят?

Я недоуменно уставился на приятеля, но почти сразу в голове забрезжила догадка.

– Так ты отца Доминика сюда водишь?! – опешил я.

Джек скромно потупился, но надолго его не хватило, и он в голос заржал:

– Вожу, конечно! – И, отсмеявшись, уже совершенно спокойно произнес: – Ну, сам посуди, как мне еще отношения с куратором налаживать?

– Вот уж действительно чужая душа – потемки.

Каждого официала ордена Изгоняющих курировал кто-то из монашеской братии, со мной работал отец Доминик, и за все эти годы он и словом не обмолвился о своем близком знакомстве с Джеком Праттом. Впрочем, ничего удивительного: в термы я куратора не водил и вином крепленым не поил. А Джек в Охранке

отвечал как раз за те области, в которых без консультаций экзорцистов никак не обойтись, вот и спелись.

Ну, и Святые с ними, главное, чтоб не спились.

– Продолжаем разговор, – зевнул Пратт, баюкая в руке стаканчик с вином. – Циркачка – это раз, певичка – это два.

– Во-первых, давно уже не циркачка, – счел я нужным заступиться за Берту, которая последние годы вела жизнь добропорядочной вдовы. – Во-вторых, не певичка, а прима королевской оперы…

– Пф-ф-ф! – фыркнул Джек. – Скажи лучше, как тебя на них двоих хватает, а?

– Нормально хватает, – уверил я его и закрыл тему: – А девок звать не будем. Точка.

– Ты нудный, Себастьян.

– Не начинай лучше, Джек. – Я допил вино, демонстративно потупил очи долу и со всем возможным смирением в голосе произнес: – Святые, куда катится этот мир? Второй человек в Охранке призывает меня к блуду с продажными девками! А ведь кому, как не ему, ежедневно и еженощно печься о благочестии подопечных?

– Не второй, а третий, – возразил Пратт. – И благодари Святых, что ты не мой подопечный. А куда катится этот мир – известно. Не слышал разве, что в тысячном году от Великого Собора конец света ожидается? Ибо родится, говорят, тот, кто прямо сквозь Бездну во Тьму… и все такое… – Джек икнул и спросил: – Еще по стаканчику и в парилку?

– Давай сначала в бассейне освежимся, – предложил я.

– Это дело, – согласился рыжий, но только поднялся из-за стола, как в дверь постучали.

Джек отставил стакан, с нескрываемым раздражением пробурчал:

– Велел же не беспокоить! – и нетвердой походкой отправился проверить, кто и по какому поводу осмелился нарушить его приказ.

– Надеюсь, это не девиц привезли? – крикнул я ему в спину.

Пратт только отмахнулся, открыл дверь, перекинулся с кем-то парой слов и вернулся к столу с запечатанным сургучной печатью посланием.

– Что там еще? – спросил я.

– Не видишь, что ли? Срочная депеша! – озадаченно пробормотал Джек и привычным движением сломал печать. Вытащил из конверта записку, начал читать, и по мере ознакомления с депешей его раскрасневшееся после парной лицо бледнело, постепенно равняясь цветом со свежевыпавшим, еще не успевшим измараться городской грязью снегом.

Под конец на него было просто больно смотреть.

– Эй, Джек! – всполошился я. – Ты чего?

Рыжий отмахнулся, нервным движением выплеснул из стакана вино и наполнил его водой. Выпил, налил еще, вновь выхлебал все до дна. После запалил листок от ближайшей свечи и вздохнул:

– Надо ехать. – Тут он глянул на меня, будто первый раз увидел, и неожиданно цепко ухватил за плечо. – Ты! Ты поедешь со мной!

– Ага, разбежался! – возмутился я, пытаясь отцепить его руку. – Прямо без штанов побегу!

– Ты не понимаешь, Себастьян, – уже совершенно трезвым голосом произнес Джек. – Мне до зарезу нужно содействие официала ордена Изгоняющих!

Выбить Пратта из колеи могло лишь чрезвычайное происшествие, поэтому я опрометчиво давать никаких обещаний не стал и потребовал объяснений:

– Выкладывай, что стряслось!

Рыжий только головой помотал.

– Времени нет, – заявил он. – Нельзя терять ни минуты!

– Какого беса?.. – начал было я, но Джек просто вытолкал меня за дверь.

– Быстрее! – и поспешил в раздевалку.

Выяснять отношения на виду у его подчиненных было последним делом, поэтому я молча пересек караульное помещение, прикрыл за нами дверь и лишь тогда насел на приятеля с расспросами:

– Ты что творишь вообще?

– Слушай, Себастьян, – Джек умоляюще сложил руки на груди, – очень тебя прошу: прикрой мою задницу. Дело пахнет жареным, а от тебя не убудет.

– Прикрою, не вопрос. Ты объясни толком, что происходит!

– Объясню по дороге! – Пратт распахнул шкафчик и принялся лихорадочно выгребать из него одежду. – Через полчаса встречаемся на обычном месте, я пока с отцом Домиником твое участие в расследовании согласую.

– В расследовании чего? – не на шутку разозлился я, но рыжий уже натянул сапоги и выскочил за дверь, на ходу застегивая рубаху.

Вот подлец!

Я отбросил полотенце, достал из шкафа исподнее и не удержался от крепкого словца:

– Бесов праздник!

В особо щекотливых случаях Джек и в самом деле не рисковал обращаться к излишне прямолинейным в вопросах морали и этики братьям-экзорцистам и просил о содействии меня, но никогда еще при этом заместитель главы Охранки не выглядел так, словно ему смазали скипидаром известное место.

Ох, непростое расследование намечается!

Однако деваться было некуда – зачем же еще нужны друзья? – и я в сопровождении все того же неразговорчивого провожатого поплелся на выход.

К этому времени на улице окончательно стемнело, стало промозгло и уныло. Студеный ветерок легко проник под камзол, я поежился, поднял ворот и поспешил на поиски подручных. Тонкая ткань совершенно не защищала от холода, а сапоги так и скользили по обледенелым булыжникам, но долго блуждать по темным улочкам не пришлось: цедивший подогретое со специями вино Ори обнаружился на открытой веранде ближайшего питейного заведения.

При виде меня парень метнулся внутрь, выскочил обратно уже с плащом в руках и опрометью кинулся спасать патрона от неминуемой простуды.

Патрон заботу оценил.

Закутавшись в теплое одеяние, я благосклонно кивнул, подошел к выехавшей со двора карете и сообщил Гастону:

– В «Королевский ключник».

Ори распахнул дверцу и уточнил:

– Когда забирать?

Я ступил на подножку и задумался.

– Подъезжайте завтра сразу к Васкесу, – решил, наконец, и забрался внутрь, не дав телохранителю отговорить меня от нарушения заведенных порядков.

Дожил! И шагу без охраны ступить не могу!

Стыдоба, да и только…

Гостиница «Королевский ключник» занимала угловое здание на пересечении двух узеньких улочек и не могла похвастаться ни богатым убранством номеров, ни особой респектабельностью постояльцев, зато помимо двух парадных и одного черного хода располагала еще и заездом для поставщиков провизии через обычно безлюдный переулок. С учетом же протянувшейся через дорогу к зданию напротив крытой галереи, на редкость запутанной планировки и постоянной толчеи в ресторации на первом этаже оторваться здесь от слежки было делом нехитрым. Особенно для тех, кто не действовал наобум, а подготовил пути отхода заранее.

Я – подготовил.

И потому, выбравшись из кареты, спокойно поднялся на третий этаж и отпер дверь снятого на чужое имя номера. Там сразу прошел в небольшую кладовку рядом с запасным выходом, распахнул узенькое оконце и привычно выбрался на карниз.

Быть замеченным случайным прохожим нисколько не опасался: до соседнего особняка в прямом смысле слова было рукой подать, и узенький, всего в пару локтей проход между домами давным-давно завалили всяким хламом до полной непроходимости.

Кое-как опустив за собой скрипучую раму, я переступил на балкончик соседнего здания и толкнул разбухшую от сырости дверь, но та даже не шелохнулась. Приналег плечом и едва не вывалился на площадку черного хода странноприимного дома при столичном монастыре Всех Святых.

Обычно здесь останавливались священники из загородных приходов и прибывавшие в город по служебным делам братья-экзорцисты, но и официалу ордена Изгоняющих в апартаментах не отказали. Я этому обстоятельству был откровенно рад: и перебраться из соседней гостиницы пара пустяков, и кожаные плащи с серебряными бубенцами окрестным обитателям давно примелькались.

Идет экзорцист – и что с того? Дело обычное.

Здесь – обычное. А мне только того и надо.

Задвинув засов, я первым делом распахнул платяной шкаф и достал из него долгополое одеяние. Придирчиво оглядел усеянную серебряными заклепками потертую кожу, отложил плащ на заправленную кровать и разделся до исподнего. От холода выстуженной комнатушки по коже немедленно побежали колючие мурашки, а начал одеваться – стало только хуже. Немного согрелся, лишь когда заправил за пояс черную рубаху, затянул ремень и прошелся из угла в угол, клацая по полу набойками высоких остроносых сапог.

Одна морока с этой кожей: летом жарко невыносимо, зимой зуб на зуб не попадает. Братья-экзорцисты будто нарочно себе такую одежду подобрали; у них в жизни ровно так же – либо черное, либо белое, никаких полутонов.

Накинув сверху тяжелый плащ, я привычно одну за другой застегнул крупные серебряные пуговицы, прикрыл низ лица полумаской и отошел к зеркалу с широкополой шляпой в руках. Нахлобучил ее на макушку, поправил и, глядя на собственное отражение, удовлетворенно кивнул.

Даже если кто знакомый встретится, один бес, ни за что не признает.

Себастьян Шило – экзорцист? Хорошая шутка!

Я тихонько рассмеялся, запер за собой дверь и под легкий перезвон нашитых на одежду колокольчиков начал спускаться по лестнице.

Цок-цок – стучат набойки. Диги-дон, диги-дон – вызванивают серебряные колокольцы.

Цок-цок… диги-дон…

А на душе – тишина и спокойствие. Затихли бесы, забились в самые глухие уголки, пошевелиться боятся. И правильно делают: когда хозяин работает, ему лучше не мешать.

Впрочем, полагают ли они меня своим хозяином? Очень сомневаюсь. Как ни крути, но черви и яблоко – аналогия в нашем случае куда более уместная.

С невозмутимым видом миновав каморку смотрителя, я покинул странноприимный дом и зашагал по замощенной неровными булыжниками улочке. С неба по-прежнему сыпалась морось, холодный ветер так и норовил забраться под плащ, но прежде чем успел озябнуть, сзади послышался перестук копыт, и нагонявшая меня карета замедлила ход.

Я распахнул дверцу и забрался внутрь.

– Ну как? – спросил у Джека, поудобней устраиваясь на мягком, обитом кожей сиденье.

– Порядок, – расплылся тот в самодовольной улыбке и протянул опечатанный сургучной печатью конверт. – Отец Доминик все устроил, ты привлечен к расследованию официальным образом.

– Может, скажешь тогда, к расследованию чего я привлечен?

Пратт явственно поскучнел и бросил конверт мне на колени.

– Не волнуйся, – вздохнул он, – работа как раз для тебя.

– Джек! – рявкнул я, начиная закипать. – Не тяни кота за хвост! Выкладывай уже, куда мы едем и что там стряслось!

Кричал зря – Пратт и не подумал запираться. Он откинулся на спинку и, глядя куда-то в сторону, произнес:

– Из хранилища казначейства похищены проклятые наконечники.

Я только охнул:

– Все?!

«Проклятыми наконечниками» именовались наполненные Извечной Тьмой клинки, которые ковали мастера одного забытого всеми Святыми островка в Старом море. Обитателей тамошних гор всех до единого следовало бы давным-

давно отправить на костер, но помимо проклятого металла они добывали и другой – звонкий, желтый, благородный.

Золото.

Казначейские крючкотворы берегли островок как зеницу ока, а поскольку их хранилище по праву считалось одним из наиболее охраняемых мест в королевстве, орден Изгоняющих не возражал, чтобы проклятые наконечники хранились именно там.

И вот такое…

Ничего не понимаю!

– Сколько именно похищено, пока непонятно, – вздохнул Джек и пожаловался: – Парня моего сгубили…

– Подожди, – встрепенулся я, – а с чего это казначейство караулят «серые сюртуки»? У них же собственная охрана?

Пратт глянул на меня с искренним недоумением.

– С чего? – фыркнул он. – Да с того что казначейство расположено в закрытой части дворца, и в чью-то светлую голову пришла замечательная мысль выставить при специальном хранилище по человеку от Охранки, ордена Изгоняющих и Пурпурной палаты. Еще клерка казначейского, чтоб ему пусто было!

– Так понимаю, это был не налет? – уточнил я на всякий случай.

– Какой налет?! Как ты себе это представляешь? – скривился Джек. – Клерк все в одиночку провернул. Чернокнижником эта сволочь оказалась…

– Да ну?

– Точно тебе говорю. Прямо из хранилища сгинул. Парня моего убил и сгинул.

– Сгинул? Точно нигде там не прячется?

– Собак запускали, от собак не спрячешься.

Тут карета остановилась, и в распахнувшуюся дверцу заглянул королевский гвардеец, за спиной которого маячила мрачная фигура брата-экзорциста.

– Ну? – нахмурился Джек Пратт.

– Проезжайте, – разрешил караульный, узнав заместителя главы Охранки в лицо.

Кучер взмахнул вожжами, и карета покатила по огороженному высоченной стеной дворцовому комплексу. Я отдернул занавеску – на улице всюду скверы и фонтаны, но сейчас, ненастным зимним вечером, их вид наводил одну лишь тоску. Да и особняки многочисленных канцелярий выглядели на фоне изящных дворцов как-то совсем уж неуместно.

– Себастьян! – возмутился Джек, который принялся пересказывать подробности происшествия, но вдруг обнаружил, что меня они нисколько не интересуют.

– Да?

– Ты меня слушаешь?

– Слушаю.

– И что скажешь?

– Ничего.

На самом деле, случившееся просто не укладывалось в голове.

До ежевечернего обхода все шло как обычно, тревогу забили, лишь когда вовремя не вернулись из хранилища казначейский клерк и сопровождавший его «серый сюртук». Заподозрив неладное, брат-экзорцист поднял тревогу, сотрудник же Пурпурной палаты вопреки уставу караульной службы

подкрепления дожидаться не стал и отправился на розыски коллег в одиночку; он-то и обнаружил мертвого охранника. Больше в подвале никого не оказалось.

– Через Бездну ушел, больше некуда ему деться было, – уверенно заявил Джек Пратт.

– Раз дело ясное, меня зачем с собой потащил? – напрямую спросил я.

– Ясное-то оно ясное, – вздохнул рыжий, – но в том вся загвоздка. Как так получилось, что обычный клерк моего парня переиграл?

– Хочешь списать это на потустороннее воздействие?

Джек расплылся в широкой улыбке и важно расправил усы.

– Ты все схватываешь на лету, Себастьян, – с довольным смешком подтвердил он, но сразу помрачнел и добавил: – Только учти: чернокнижника надо отыскать, прежде чем высокое руководство окончательно озвереет и полетят головы. Поэтому не халтурь.

– Когда это я халтурил?

– Просто предупреждаю. Толку от монашеской братии в расследовании, сам понимаешь, будет немного, вся надежда на тебя. Знаешь, мне ведь даже особо отца Доминика уговаривать не пришлось; он, такое впечатление, сам тебя к этому делу привлечь хотел.

– В каждой бочке затычка, что ли?.. – поморщился я. – У меня вообще-то своих дел невпроворот.

– Знаем мы твои дела, – буркнул Пратт. – Беззаконие одно.

Тут карета вновь остановилась, и мы выбрались под сыпавшийся с неба сырой снег. При въезде на закрытую часть дворца проверка проводилась куда более серьезная, и, несмотря на сопровождение заместителя главы Охранки, мне пришлось стянуть с пальца перстень официала и позволить брату-экзорцисту переписать выбитый изнутри него номер.

Монах сделал отметку в журнале регистрации посетителей и разрешил нам проезжать, но Джек Пратт возвращаться в карету не стал.

– Идем! – позвал он меня за собой. – Здесь недалеко.

Я под звон серебряных колокольцев поспешил за ним и немного погодя спросил:

– Кто будет вести следствие?

– Полагаю, привлекут надзорную коллегию, – решил рыжий. – А что?

Я многозначительно хмыкнул и предупредил:

– Раз так, я дал обет безмолвия.

Надзорная коллегия мою основную деятельность опекала очень плотно, и может так статься, что нам с этим следователем еще придется повстречаться при совсем других обстоятельствах. А ну как по голосу опознает?

– Не проблема, – решил Джек, обдумав услышанное. Он остановился на краю площади и указал мне на оцепленное королевскими гвардейцами здание казначейства: – Все, пришли.

Я зажмурился и попытался ощутить присутствие потустороннего, но никаких признаков Скверны уловить не смог, лишь замерцали перед внутренним взором нанесенные на стены святые письмена.

– От надзорной коллегии, похоже, Ольтера прислали, – сообщил Пратт, заметив на крыльце высокого, крайне тучного господина в бесформенном плаще. – Знаешь такого, Себастьян?

Я знал. Старший дознаватель Ференц Ольтер в свое время изрядно попортил мне кровь, и когда пару лет назад въедливого толстяка забрали на повышение, все жулики за его столь удачно сложившуюся карьеру только порадовались.

– Третий человек в столичном аппарате надзорной коллегии, – поведал Джек и потянул меня за оцепление. – Идем!

Гвардейцы расступились, мы подошли к следственной группе, и худой, будто щепка, тип в теплом пальто и каракулевой шапке негодующе повысил голос:

– Где вас бесы носят, господин Пратт?! Извольте объясниться!

– Полегче на поворотах, Карл, – гаденько улыбнулся Джек главе Пурпурной палаты. – Не стоит сквернословить в присутствии духовных особ! Или в Пурпурной палате правила хорошего тона не в чести?

– А в Охранке что-нибудь знают о пунктуальности?

– Господа! – поспешил поднять руку Ференц Ольтер, чрезвычайную полноту которого не скрывал даже свободного покроя плащ. – Предлагаю не тратить время на пустую пикировку!

– Всецело с вами согласен, – поддержал Пратт толстяка и предупредил: – Брат-экзорцист дал обет безмолвия, поэтому не удивляйтесь его молчанию.

Ольтер смерил меня хмурым взглядом и спросил:

– Могу увидеть ваши бумаги?

Я лишь качнул головой и передал запечатанный конверт не ему, а стоявшему здесь же собрату по ордену. Монах сломал печать, в неровном свете фонаря прочитал предписание, сложил лист и спрятал его обратно в конверт.

– Господа, в моем присутствии больше нет необходимости, – объявил брат-экзорцист. – Да хранят вас Святые.

И под звон серебряных колокольцев он отправился восвояси.

Ференц Ольтер пожал пухлыми плечами и спросил:

– Желаете ознакомиться с протоколами предварительных допросов?

– Полагаю, стоит начать с осмотра места преступления, – предложил Джек.

– Тогда приступим.

Старший дознаватель первым поднялся на крыльцо, Пратт и Готье чуть ли не наперегонки поспешили следом, а вот я никуда торопиться не стал и пропустил вперед незнакомого чиновника королевского казначейства. На первом этаже наша процессия сразу свернула в глухой, без единого окна коридор, который периодически упирался в массивные бронированные двери, у каждой из них дежурило по четыре бойца, а лестницу и вовсе караулил десяток вооруженных до зубов охранников. Столько же крепких парней располагались этажом ниже.

Там шагавший во главе нашей процессии Ференц Ольтер замешкался и озадаченно уставился на сотрудника казначейства, не зная, куда двигаться дальше.

– Сюда! – позвал нас клерк в комнату, где в углу темнел провал узенькой винтовой лестницы.

Тучный дознаватель глянул вниз с нескрываемой досадой, но вслух высказывать своего недовольства не стал и, переваливаясь с ноги на ногу, принялся спускаться куда-то во тьму.

– Подождем, – предложил Джек Пратт, прислушиваясь к доносившемуся снизу тяжелому дыханию, и немногим тише добавил: – А ну как застрянет?

Карл Готье от неожиданности так и прыснул со смеху, я под кожаной полумаской тоже не удержался от усмешки, а вот чиновник даже не улыбнулся.

– При всем уважении, господин Пратт, – с каменным выражением лица произнес он, – с учетом сложившейся ситуации подобные высказывания не кажутся уместными…

Глава Пурпурной палаты враз опомнился, откашлялся и зло глянул на рыжего пройдоху.

– Тебя, Джек, только могила исправит, – нравоучительно выдал он и начал спускаться по винтовой лестнице вслед за толстяком.

Пратт с недоброй ухмылкой пожал плечами и цепко глянул на казначейского:

– Что вы можете сказать о пропавшем клерке?

– Ничего, – односложно ответил чиновник и объяснился: – Я служу в ревизионном департаменте и лично с ним знаком не был. Но, по отзывам коллег, он ничем особенным не отличался. По крайней мере никаких странностей за ним не замечали.

– Так оно обычно и бывает, – вздохнул Джек и указал мне на темный провал: – Прошу вас, отче…

Лестница оказалась не только узкой, но и на редкость крутой, спускаться по ней в одеянии экзорциста оказалось занятием не из простых. Да еще каблуки скользили на стертых ступенях, и приходилось постоянно держаться за канат.

Пару раз я едва не скатился вниз, но не скатился, и потому на каменный пол ступил преисполненный чувства собственного достоинства. В отличие от Ференца, который шумно отдувался и вытирал льняным платочком вспотевшее лицо.

Внизу оказалось многолюдно. Казначейская охрана, «серые сюртуки» и отмеченные пурпурными повязками подчиненные Готье настороженно переглядывались, явно прикидывая, кого из них высокое начальство назначит козлом отпущения, а вот шпики надзорной коллегии, напротив, азартно переминались с ноги на ногу, горя желанием поскорее доложить о предварительных результатах расследования. И только братья-экзорцисты своей бесстрастностью напоминали двух скучающих посреди огорода пугал.

Впрочем, невозмутимость их была чистой воды блефом; уж они-то как никто другой должны были осознавать масштабы разразившейся катастрофы. Я к происшествию никакого отношения не имел, и то по спине колючие мурашки забегали.

Сколько наконечников умыкнул чернокнижник? Две дюжины, три?

Бесов праздник! Да ими столько бед натворить можно, что просто волосы на загривке дыбом встают! Одно случайное прикосновение к проклятому клинку способно сжечь душу неподготовленного человека дотла, а чего сумеет добиться человек подготовленный, и вовсе подумать страшно…

– Святой отец! – окликнул меня немного отдышавшийся Ференц Ольтер. – Вы с нами?

Я сделал знак обождать и прошелся по караульному помещению, прислушиваясь к собственным ощущениям.

Но – ничего. Ни малейшего присутствия Скверны здесь не чувствовалось.

Да и откуда? Отблески факелов поблескивали на часто-часто вбитых меж каменной кладки серебряных символах Изначального Света, и пусть те выполнены были не столь тщательно, как мой перстень официала, но в таких количествах от потустороннего воздействия защищали ничуть не хуже.

Я вернулся к следственной группе, и старший дознаватель попросил ревизора:

– Начинайте, пожалуй.

Чиновник казначейства откашлялся и указал на следующую дверь:

– Все случилось там…

– По порядку, пожалуйста! – перебил его Ференц.

– Инцидент произошел во время смены караула, – собравшись с мыслями, поведал ревизор. – В соответствии с регламентом наш сотрудник в сопровождении одного из охранников отправился проверить сохранность печатей и через какое-то время…

Тут он сбился и принялся теребить в руках снятые перчатки, но на помощь ему пришел Готье.

– Через четверть часа моему человеку показалось странным столь долгое отсутствие коллег, – пояснил глава Пурпурной палаты, – и он отправился выяснить причину их задержки.

– Он осознавал, что нарушает устав караульной службы? – прищурился Джек Пратт.

Карл Готье поджал губы и надменно заявил:

– Его объяснения приложены к протоколам дознания.

– А просто заглянуть внутрь он не мог? – удивился Ференц Ольтер.

– Сейчас вы сами все увидите, – вздохнул ревизор и повернулся ко мне: – Вы закончили, святой отец?

Я утвердительно кивнул, и тень от моей шляпы заметалась по каменной кладке, будто призрачное порождение Бездны. Чиновник явственно вздрогнул, но сразу взял себя в руки и, навалившись всем весом, распахнул массивную дверь.

А за ней не хранилище, за ней – уходящий во тьму коридор!

– Да здесь целый лабиринт! – удивился старший дознаватель, пройдя внутрь и заметив многочисленные боковые ответвления.

– Так и есть, – подтвердил чиновник. – Наконечники хранятся в самом дальнем зале.

Он взял фонарь и повел нас в хранилище. Пол явственно уходил под уклон, но влага на каменных стенах не блестела, и лишь холодный затхлый воздух не давал забыть о том, что находимся мы глубоко под землей.

– Что еще здесь хранится? – поинтересовался Ференц.

– Много всего, – уклончиво ответил чиновник и указал на неповрежденные печати ближайшей двери. – Взломано лишь хранилище наконечников.

– Вы уверены?

– Мы проведем полную ревизию, – уверил его казначейский, – как только вы предоставите нам такую возможность.

– Между прочим, это ваш человек оказался чернокнижником! – вспылил Пратт.

– Это еще не доказано! – парировал ревизор, которому подобный упрек был что острый нож под сердце.

– Господа, не ссорьтесь! – призвал их к порядку Готье, и его бескровные губы расплылись в невеселой улыбке. – Оставим окончательные выводы следствию.

– Оставьте, да, – шумно выдохнул Ференц Ольтер, видимо, давно отвыкший от столь продолжительных пеших прогулок. – Сколько нам еще идти?

– Почти на месте, – уверил его наш провожатый.

И действительно, уже через несколько поворотов мы очутились перед распахнутой железной дверью, за которой терялось в темноте просторное помещение. Я придержал клерка, и тот с удивлением обернулся.

– Мне сказали, там совершенно безопасно! – пояснил он.

– Полагаю, святой отец желает осмотреть место преступления в одиночестве, – предположил Джек Пратт.

Ференц Ольтер против непредвиденной задержки возражать не стал, а вот Карлу Готье эта идея по вкусу не пришлась. Он демонстративно поморщился и всплеснул руками:

– Так заходите, святой отец! Заходите уже! Не будем терять время!

Я забрал у ревизора фонарь, поднял его над головой в попытке разогнать сгустившиеся за порогом тени и прислушался, не заворочаются ли в душе нечистые. Но бесы молчали.

Бесы молчали, и все же мне было не по себе.

Ничего серьезного, просто из открытой двери тянуло смертью.

А еще – Тьмой. Жгучим таким холодком, от которого даже не мурашки по спине, а наждаком по коже.

Кровь, тьма, смерть, тени – кто бы из ордена Изгоняющих ни проверял место преступления, внимания на это он почему-то не обратил. А стоило бы. Того и гляди, ворота в Бездну распахнутся. «Ритуалы изгнания младших бесов», том первый, глава «Тени, как двери в потусторонний мир».

Отступив от двери, я достал из кармана сшитые суровой нитью листки и карандаш, изложил свои соображения и передал вырванную бумажку ревизору.

– И что мне с этим делать? – удивился тот.

– Отнесите братьям-экзорцистам в караулку, – распорядился Джек.

Чиновник нехотя отправился выполнять приказ, я тяжело вздохнул и шагнул в хранилище. А там – будто невидимым пламенем опалило.

Злым, жгучим, лютым. И вместе с тем – едва-едва ощутимым.

Затухающим.

Взяв себя в руки, я присмотрелся к распростертому на полу мертвецу с белым, словно вылепленным из воска, лицом. На его сером сюртуке темнело несколько бурых отметин ножевых ран, но самого орудия убийства нигде видно не было.

Задерживаться у покойника я не стал и сразу перешел к пятну только-только подсохшей крови, черневшему посреди пересечения неровно намалеванных полос пентакля. Перешел и немедленно уловил, как сквозит от него Скверной.

Чернокнижник и в самом деле ускользнул отсюда через Бездну!

Но как он умудрился обойти защиту?

Подняв фонарь повыше, я прошелся вдоль стены и сразу углядел кровавые отметины на ближайших символах Изначального Света.

Осквернил предварительно, выходит…

– Позволите? – не вытерпел тут Ференц Ольтер.

Я жестом разрешил дознавателю пройти в хранилище, а сам перешел к вмурованным в дальнюю стену сейфам. Часть стальных дверец оказалась распахнута, и, судя по отсутствию внешних повреждений, их не взламывали, а открыли ключами. Точно не отмычками: за такое короткое время справиться с хитрыми запорами было не под силу и дюжине взломщиков.

Неужто простой клерк имел доступ к ключам? А если нет – каким образом умудрился изготовить дубликаты?

Хотя у меня ли об этом голова болеть должна? Это ведь, по большому счету, Джека заботы. Даже сказал бы – проблемы.

И, сдается мне, проблемы большие. Очень большие.

– Здесь и в самом деле безопасно, святой отец? – непонятно зачем уточнил Карл Готье, прежде чем шагнуть в хранилище.

Я в ответ неопределенно повертел в воздухе затянутой в кожаную перчатку ладонью, и главу Пурпурной палаты явственно передернуло. Но он сразу справился с неожиданным приступом неуверенности и подошел к Ференцу Ольтеру.

– Ну и что скажете, господин дознаватель?

– Ключи, – задумчиво пробормотал толстяк и повернулся к вернувшемуся из караулки ревизору. – У пропавшего клерка был доступ к ключам от сейфов?

– Ни в коем случае, – уверенно ответил чиновник. – Более того, к ним нет доступа ни у кого в казначействе.

– Даже так?

– Перевозкой наконечников занимаются братья ордена Изгоняющих, – пояснил ревизор. – Они принимают груз на Дивном, осуществляют его экспедицию и помещают в сейфы. Ключи остаются у них, мы лишь контролируем хранилище.

– Очень интересно, – пожевал пухлыми губами толстяк. – Чем обусловлен такой порядок?

– Наконечники с Дивного обладают одной нехорошей особенностью, – усмехнулся Джек Пратт. – Прикоснетесь – и они выжгут вам душу.

– Как же тогда их забрал клерк? – прищурился старший дознаватель.

– Он чернокнижник! У него и так в душе Тьма! – всплеснул руками Готье. – Чего ему бояться?!

Ференц несколько раз задумчиво кивнул и вдруг спросил:

– А почему тогда изъяна не почувствовал его исповедник?

Глава Пурпурной палаты в ответ только плечами пожал.

– Вот у него и спросите! – посоветовал он.

– Непременно спрошу, – подтвердил дознаватель и сделал пометку в книжице с кожаным переплетом. – Не извольте сомневаться. – Толстяк почесал щеку кончиком грифельной палочки и поинтересовался: – Уже есть информация, сколько точно наконечников пропало?

– Тринадцать, – сообщил клерк казначейства.

– Всего тринадцать? – Ференц Ольтер с удивлением оглядел распахнутые дверцы. – Кто же тогда открыл остальные сейфы?

– Часть из них были пустые, – пояснил чиновник. – Злоумышленник явно не располагал точной информацией, какие ячейки заполнены, а какие нет.

– Остальные наконечники до сих пор здесь? – заинтересовался Готье.

– Нет, нет! Что вы! – нервно поежился клерк. – Их забрали на временное хранение экзорцисты, и не беспокойтесь – дабы избежать путаницы, они заперли после себя дверцы ячеек.

– Ясно, – кивнул толстяк, явно пытаясь отыскать в действиях чернокнижника некую хитрую систему.

А по мне, так никакой системы не было. Одна распахнутая дверца здесь, две – там. И так везде. Ладно бы еще похититель всегда угадывал, но нет – вскрыто больше трех десятков сейфов, а наконечников похищено всего тринадцать. Как пить дать, действовал наугад.

Впрочем, не важно. Не забивая себе голову всякой ерундой, я перешел к мертвецу и присмотрелся к истыканной ножом груди. Насколько удалось различить, удары были нанесены уверенной рукой, и все – точно в цель, никаких защитных ран. Но смущало даже не это, смущало отсутствие крови. Слишком чистеньким был для столь серьезных увечий серый сюртук. Пусть даже первый укол и пришелся прямиком в сердце, несколько кровавых отметин с монету величиной – этого явно недостаточно.

Я выпрямился и взмахом руки подозвал Джека.

– Позволь… – Пратт опустился на корточки и какое-то время внимательно изучал мертвеца. Затем он ухватил голову покойника и легко подвигал ее из стороны в сторону. Озадаченно глянул на меня, просунул ладонь под затылок и с тяжелым вздохом поднялся на ноги.

– Проломлен череп, сломана шея, – сообщил Джек, вытирая руки. – Полагаю, ножом его уже добивали.

Я кивнул, принимая сказанное к сведению, и сначала указал на смазанную линию пентакля, после на кровавую отметину на сапоге мертвеца.

Джек присмотрелся и подозвал к нам казначейского.

– Тело двигали? – строго спросил он.

– Мы – нет, – ответил ревизор и предположил: – Возможно, сотрудник Пурпурной палаты, обнаруживший убитого…

– Он ни к чему не прикасался, – уверенно заявил Карл Готье.

Мысленно сделав еще одну заметку, я снял перчатку и прикоснулся к холодному запястью мертвеца. Сосредоточился, но не уловил ничего из ряда вон.

Никакого намека на Тьму в душе, а что до легкого налета скверны, так кто из нас без греха? Пропустил пару исповедей, и не более того.

Распрямившись, я в ответ на вопросительный взгляд Джека отрицательно покачал головой и отошел к двери.

– Святой отец, вы уже закончили? – сразу встрепенулся Готье. – Господа, дело ясное, предлагаю безотлагательно заняться розысками злоумышленника!

– Этим и без нас есть кому заняться, – проворчал Ференц Ольтер.

– Нельзя терять ни минуты!

– Похвальное рвение, – с плохо скрываемым сарказмом пробормотал дознаватель и уточнил: – Могу я рассчитывать, что квартиру подозреваемого не станут обыскивать в отсутствие сотрудников надзорной коллегии?

– Подозреваемого? – Глава Пурпурной палаты поджал губы и спросил: – У вас остались какие-то сомнения в его виновности?

– Не имею обыкновения спешить с выводами, – парировал толстяк. – Так что насчет обыска?

– Мои люди блокировали квартиру чернокнижника и оцепили его загородный дом, но им отдан недвусмысленный приказ ничего там не трогать до нашего прибытия.

– В нашем присутствии там нет никакой необходимости, – покачал головой Ференц. – Я пошлю кого-нибудь провести первичный осмотр, а нам предлагаю сосредоточиться на опросе непосредственных участников происшествия. – И он уставился на Готье: – Надеюсь, нет возражений?

– Нет, – холодно улыбнулся тот. – Какие могут быть возражения?

– Тогда идемте!

Мы вышли в коридор, и прибывшие по моему вызову братья-экзорцисты немедленно сменили нас в хранилище. Один монах раскурил кадило, остальные затянули молитву и принялись очищать от крови серебряные символы Изначального Света.

– Полагаете, в этом есть необходимость? – удивился Готье.

Я молча пожал плечами и последовал за тяжело отдувавшимся дознавателем. Своды подземелья давили буквально физически, и находиться под землей было уже просто невмоготу. Впрочем, в караульном помещении лучше не стало: сосредоточиться на работе никак не получалось, руки дрожали, постоянно не хватало воздуха, а одежда под плотным кожаным одеянием пропиталась потом.

Мне б водички холодной, но куда там!

Проверив на наличие Скверны всех караульных, я приткнулся в уголке и принялся составлять отчет, а когда наконец покончил с писаниной и поднялся на улицу, то сразу оттянул полумаску и подставил лицо дуновениям студеного ветерка.

Но толком перевести дух не дал Джек.

– Что скажешь? – потребовал он отчета, стоило только нам отойти от особняка казначейства.

Я задумчиво глянул на приятеля, взвесил все «за» и «против» и покачал головой.

– Ничего не скажу.

– Совсем? – прищурился рыжий прохиндей, сразу заподозрив неладное. – Ты в этом уверен, Себастьян?

– Отстань, а?

– Что значит «отстань»? – опешил Пратт. – Речь идет о моей карьере!

– Слушай, Джек, – оскалился я в ответ, – ты попросил тебя прикрыть, и я полночи торчал в склепе, от которого Тьмой разит, как от портовой помойки тухлой рыбой! У меня сейчас голова как барабан, не дави на меня! Хорошо?

– Просто скажи, – нахмурился приятель. – У меня проблемы?

– А сам как думаешь, Джек? Естественно, у тебя проблемы!

– По твоей части?

– Насчет меня не беспокойся, – уверил я приятеля, – все острые углы кое-как сгладил. Ты лучше ищи подходы к Ольтеру, он тот еще живоглот.

– Считаешь, это понадобится?

– Он только выглядит безобидным толстяком, на деле хватка у него волчья, а моральные принципы примерно как у пахартской гиены. Если посчитает нужным, утопит в дерьме и тебя, и Готье. А скорее утопит того из вас, кто меньше заплатит.

– Не надорвется?

– Ференц в фаворе у Ланье, – напомнил я. – Да ты и сам это знаешь не хуже меня.

Джек беззвучно выругался и спросил:

– На чем он может меня прижать?

– Ты едешь или нет? – задал я встречный вопрос.

– Придется остаться на заседание следственной группы, – сказал Пратт и попросил: – Выкладывай уже, Себастьян. Не темни.

Стылый воздух к этому времени порядком освежил голову, но я все же предложил:

– Пойдем пройдемся.

– Легко, – сразу согласился Джек. – Только распоряжусь насчет кареты.

На выходе с закрытой территории дворцового комплекса Джек отыскал кучера, велел ему следовать за нами и свернул на темную аллею, где меж аккуратно подстриженных кустов замерли присыпанные влажным снегом скамьи и мраморные чаши фонтанов. Карета неторопливо покатила следом в некотором отдалении.

– Ну и? – первым нарушил Пратт затянувшееся молчание.

– Совсем ты мышей не ловишь, – поморщился я.

– В смысле? – напрягся Джек.

– В хранилище вошли двое – ревизор и «серый сюртук». Больше с ними никого не было, так?

– Так.

– Твоему парню проломили череп и свернули шею, правильно?

– Правильно.

– Грудину искололи ему уже после смерти и раны особо не кровоточили?

– Все верно.

Я остановился и уставился на приятеля:

– Так скажи на милость, откуда взялась вся та кровь, которой намалевали пентакль?

Пратт на миг задумался и опрометчиво заявил:

– В этом нет никакого смысла!

– Так кажется только на первый взгляд, – возразил я. – А вот если предположить, что ревизор казначейства был всего лишь жертвой, то все встанет на свои места.

– Чушь! – взорвался Джек. – Невозможно покончить жизнь самоубийством, самому себе свернув шею!

– А кто, друг мой, – я ухватил его за серебряную пуговицу камзола и притянул к себе, – говорит о самоубийстве?

Пратт высвободился и нервно потеребил рыжий ус.

– Хмырь из Пурпурной палаты? – произнес он какое-то время спустя. – При таком раскладе он точно в деле!

– Несомненно, – подтвердил я, поскольку не видел иного объяснения случившемуся. – Твой парень распотрошил ревизора и намалевал кровью пентакль, потом вскрыл сейфы и отправил мертвеца с наконечниками в Бездну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/pavel-kornev/oskvernitel

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити